

КИСЕЛЕВ Яков Исаакович

Родился в 1924 году в г.п. Лиозно Витебской области. Начал трудовую деятельность в г. Златоусте токарем на заводе № 259 в октябре 1941 г. В августе 1942 призван в Красную Армию. До октября 1943 г. участвовал в боевых действиях. После получения тяжелого ранения и лечения в госпитале в июле 1944 г. был демобилизован. Имеет боевые награды, в том числе медаль «За отвагу».

В 1953 году окончил Минский юридический институт.

В органах прокуратуры работал с августа 1953 по май 1988 г. на должностях нарследователя прокуратуры Желудокского района, следователя прокуратуры Волковысского района, старшего следователя прокуратуры области, а в период с 10.1976 по 05.1988 — начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД. Награжден медалью «За трудовое отличие», нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры», Заслуженный Юрист БССР.

* * *

Желание работать следователем у меня появилось в далекие юные годы. С чем это было связано, объяснить не могу, но эту страсть я пронес и через военное лихолетье и все послевоенные трудности.

В Минский юридический институт я поступил уже в 1949 году, когда мне исполнилось 25 лет. Окончил учебу с отличием в 1953 году и был направлен работать следователем в Желудокский (ныне Щучинский) район.

Штат районной прокуратуры состоял из прокурора, следователя, секретаря канцелярии и конюха.

Следует сказать, что в послевоенное время во всех районных прокуратурах имелись в штате конюхи, поскольку в качестве служебного транспорта использовались лошади, автомашин не было.

Условия работы были трудные. В районе было неспокойно. В лесах еще скрывались банды.

При выезде по какому-нибудь делу в один сельсовет, приходилось брать с собой и дела по соседним сельсоветам, чтобы успевать вести расследования, экономить время на разъездах.

На месте с участковым приходилось решать вопрос, у кого остановить лошадь на постой и где переночевать самому. В том же доме приходилось и питаться.

Нагрузка на следователя была запредельной, никакой оргтехники не было, все приходилось писать вручную.

***Из характеристики, направленной прокурором района
4 января 1955 г. в облпрокуратуру с ходатайством
о присвоении Киселеву классного чина юриста 3 класса:***

«...За 1954 г. Киселев окончил следствием 54 уголовных дела, из которых направлено в суд 45, прекращено 7 дел и 2 приостановлено. 40 дел расследовано в срок до 30 дней, свыше 2-х месяцев — 2 дела».

Безусловно, сравнивать судопроизводство того периода и нынешнего не корректно. Сегодня такая нагрузка следователя просто невозможна, даже если очень стараться. Но доказывать вину по каждому уголовному делу нужно было и тогда.

Такая производительность труда в органах прокуратуры объясняется прежде всего тем, что костяк прокурорско-следственных кадров тогда составляли бывшие фронтовики, инвалиды. А это были очень ответственные люди, которые были воспитаны на принципе: если Родина сказала — надо, ответ может быть только один — есть.

В нашей прокуратуре не было вообще такого понятия как выходной день.

Работать в выходной никто не заставлял, но в воскресенье, как и в любой рабочий день, в 9 часов утра следователь и прокурор были на работе.

Рабочий день до 20-21 часа — обычное дело.

Я с теплотой вспоминаю своего первого прокурора Дернейко Григория Андреевича (в годы войны он был прокурором дивизии), прокурора следственного отдела Мельникова Владимира Матвеевича (впоследствии прокурора г. Лиды), старшего следователя областной

прокуратуры Айзеймана Евгения Михайловича (окончил службу прокурором Новогрудского района) Эти люди помогли мне освоить профессию следователя.

Что касается бытовых условий, то в течение 6 месяцев моя семья, в которой было двое детей, проживали в прокуратуре, в кабинете бывшего помощника прокурора, размером 10 м.кв. Зарплаты в 790 рублей хватало лишь на самое необходимое, но никто на это не жаловался. Такое было время.

4 июня 1947 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Указ устанавливал невиданные ранее наказания за такие преступления — 25 лет лишения свободы. И это при том, что за убийство максимальный срок лишения свободы остался прежним — 10 лет.

Отчасти это можно было объяснить тем, что в послевоенные годы страна лежала в руинах, каждый рубль был на счету, в большом количестве требовались и рабочие руки, хотя платить было нечем. Но все же это был, на мой взгляд, явный перегиб в уголовной политике, продолжение сталинской политики довоенного периода, когда жизнь человека, его честь и достоинство были сведены к нулю. Людям такие меры наказания объяснить было очень сложно.

Первое уголовное дело, которое мне пришлось расследовать в Желудокском районе, было по факту кражи колхозного имущества. 2 комбайнера и два полевода пытались похитить 80 килограмм овса во время уборки. Председатель колхоза сам эту кражу раскрыл, и мешок с овсом был изъят.

Мне оставалось по существу только оформить бумаги и дело было направлено в суд, где двое участников (комбайнеры) были приговорены к 10 годам лишения свободы, а полеводы к 8-ми. Таким образом, за 80 кг овса, которые даже не успели украсть, в общей сложности люди получили наказания в виде 36 лет лишения свободы. Суровое и страшное это было время.

В отправлении правосудия иногда вмешивались и партийные органы. Официально это никак не оформлялось, но мнение райкома партии имело силу Закона. К примеру, нельзя было привлекать к уголовной ответственности коммуниста. Сначала его поступок должны были обсудить в райкоме партии и дать свою оценку. Если его оставляли членом партии, то несмотря на бесспорные доказательства, дело подлежало прекращению.

В моей практике было дело, где мастер хлебозавода создала безучетные излишки муки и по сговору с двумя работниками вывезла муку с территории предприятия. Затем муку стали развозить без оплаты по домам. Работников задержали, возбудили в отношении них уголовное дело, и они были арестованы.

На мастера было направлено представление в райком партии с постановкой вопроса об исключении ее из членов ВКП(Б).

Но райком партии ограничился выговором и мастер, организатор преступления, на суде выступала в качестве свидетеля по делу, уголовное дело в отношении нее было прекращено. Такую несправедливость мне, как следователю, было тяжело пережить.

Следователем я проработал в общей сложности 23 года. За это время мною было расследовано около 60 убийств, десятки изнасилований, хищений в крупных и особо крупных размерах.

Одно из дел, где профессиональное чутье позволило мне избежать незаконного обвинения, впоследствии и осуждения невинного человека, мне запомнилось.

Случай был в Волковысском районе, в 1960 году. Помню, после ноябрьских праздников, а точнее утром 9 ноября, мне позвонил дежурный РОВД и сообщил, что в больницу с ножевым ранением из д. Изабелин доставлен некий Соколовский в возрасте 19 лет.

Ранение оказалось опасным для жизни, у потерпевшего был поврежден шейный отдел позвоночника.

С трудом выговаривая слова, Соколовский мне сказал, что 8 ноября вечером он находился в квартире Янушко Павлины, был в нетрезвом состоянии. Помнит, что он сидел за столом, когда туда зашел односельчанин Яроцкий Михаил и ударил его ножом.

Квартира Янушко находилась в здании барачного типа и состояла из одной комнаты. По соседству, через стену проживала семья брата Яроцкого. Обе семьи пользовались одним коридором.

Я произвел осмотр квартиры. Кроме полутороспальной кровати, стола, двух лавок и табуретки там ничего не было. Между кроватью и столом я обнаружил небольшие пятна крови. Похожие на кровь пятна были обнаружены и на полу в коридоре.

Осмотрев комнату и изъяв образцы этих пятен, я допросил хозяйку квартиры Янушко Павлину. Она рассказала, что вечером 8 ноября к ней зашел односельчанин Соколовский, который находился в сильной степени алкогольного опьянения. Он сел возле стола на лавку и уснул.

Поскольку в клубе в это время по случаю годовщины революции было торжественное собрание, а затем концерт, то она оставила Соколовского одного, а сама пошла в клуб.

Возвратилась домой поздно вечером и обнаружила Соколовского лежащим между кроватью и столом. Подумав, что он спяна свалился с лавки, она взяла его за ноги, вытащила на коридор и там оставила, в надежде, что его обнаружит кто-то из членов семьи брата и отведет домой.

То, что Соколовский тяжело ранен, соседи обнаружили утром 9 ноября и доставили его в больницу.

После беседы с Янушко я поехал к Яроцкому и, прежде, чем его допрашивать, произвел обыск в его квартире с надеждой найти орудие преступления — нож. Но ничего подозрительного не нашел. Яроцкого я забрал с собой в РОВД, где его допросил.

С его слов вытекало, что с Соколовским Эдуардом он уже с полгода в неприязненных отношениях по той причине, что Эдуард по указанию председателя колхоза трактором перепахал 12 соток земли, которые Яроцкий самовольно захватил, и на которых уже была посажена картофель. Вскоре после этого он встретил Соколовского и в порыве злобы бросил в него двухкилограммовую гирю, но Соколовский увернулся от удара, и гиря попала в стену, где от удара остался след.

Признавал Яроцкий и тот факт, что вечером 8 ноября он заходил к брату, однако причастность к ранению Соколовского подозреваемый отрицал.

Прокурор района, которому я доложил дело, был убежден, что Яроцкий преступник, что ранение Соколовского — его рук дело.

Объективно, доказательства складывались в пользу этой версии:

1. Потерпевший твердо стоял на своем — ранение ему причинил Яроцкий. Он видел, как тот подошел к нему и ударил ножом в шею.

2. Налицо был и мотив преступления — месть за перепаханный участок картофеля.

3. До этого случая Яроцкий покушался на жизнь Соколовского, запустив в него гирей.

4. Вечером 8 ноября Яроцкий заходил к брату, где через стену был ранен потерпевший.

Но интуиция не давала покоя, терзали сомнения. Я чувствовал, что тут что-то не так, где-то я не доработал.

Истекали третьи сутки задержания Яроцкого и надо было принимать решение относительно его дальнейшей судьбы — предъявлять обвинение и арестовывать или отменять меру пресечения. В конце концов, я принял решение о заключении его под стражу, но окончательно на этой версии не остановился, продолжал искать другие сведения об этом преступлении.

Прокурор санкционировал арест, но я сомневался в том, что Яроцкий преступник. Я искал подтверждение своим сомнениям и, наконец, обнаружил слабое место этой версии. Кровь потерпевшего. При таком ранении ее должно быть много, а не единичные капли. Данные о том, что пол мыли незадолго до осмотра, отсутствовали. Надо было искать обильное пятно крови, поэтому я снова поехал в д. Изабелин. Зайдя в комнату Янушко, я внимательно стал осмат-

ривать каждый находящийся там предмет. В глаза бросилась чистая наволочка на подушке на фоне грязных, давно не стиранных других постельных принадлежностей. Я снял наволочку. Под ней оказалась залитая кровью насыпка, от которой исходил неприятный запах.

Стало ясно, что потерпевший сказал неправду. В момент нанесения удара ножом он не сидел на лавке, а лежал на кровати. Янушко также соврала, утверждая, что она не знала о тяжелом ранении Соколовского, вытаскивая его из комнаты на коридор. (Впоследствии она так и не осмелилась в этом признаться, утверждая, что не заметила обильного пятна крови на подушке, меняя наволочку).

Оформив протокол повторного осмотра места происшествия, я вернулся в РОВД и освободил Яроцкого из-под стражи.

Таким образом, на 4 сутки после совершения тяжкого преступления все нужно было начинать с нуля.

Из оперативных данных мне было известно, что в тот вечер (8 ноября) недалеко от дома Янушко группа молодежи распивала спиртные напитки. Я попросил дежурного РОВД, чтобы он связался с участковым и дал указание ему установить всех участников пьянки, а утром доставить их в РОВД для допросов.

В 6 часов утра следующего дня поступило сообщение о том, что в другом сельсовете возле водоема обнаружен труп мужчины и мне нужно выехать для проверки обстоятельств смерти, в связи с чем, допросы доставленных парней по моему поручению проводил дознаватель Лупачев А.И.

Когда к обеду я зашел в РОВД, мне передал дежурный, что зам. начальника Железняков ждет моего звонка. Связавшись с ним, я узнал, что у него на столе лежит собственноручное объяснение одного из доставленных парней, Бэкмана Эдуарда, в котором он признается в нанесении ножевого ранения Соколовскому.

Прибыв в РОВД, я зашел в кабинет подполковника Железнякова и взял лежащее на его столе объяснение. Прочитав его, я понял, что признание Бэкмана — «липа», самооговор. Бэкман утверждал, что ранение Соколовскому он нанес в тот момент, когда тот сидел за столом и спал, но я уже знал, что удар ножом нанесен в другом месте — на кровати. Об этом моем «открытии» еще никто не знал, в том числе и сотрудники милиции.

Я решил подробно допросить Бэкмана, и через полчаса разговора с ним мне стало окончательно ясно, что никакого отношения к преступлению Бэкман не имеет. В совершенном преступлении он себя оговорил по просьбе работников милиции, пообещавших отпустить его домой, а в возбуждении дела отказать.

Кроме этого ему пригрозили, что располагают сведениями о совершенной им краже колхозного картофеля, и если он не пойдет на

такое сотрудничество, то будет осужден за кражу, а это грозит еще более суровым наказанием.

Мотив такого поведения данного свидетеля мне стал ясен, однако после разговора с ним мне показалось, что он обладает какими-то сведениями о действительно причастном к этому преступлению лице.

Я постарался его разговорить и в конце концов Эдуард мне сказал, что утром 9 ноября, когда он выгонял корову, чтобы сдать пастухам — Левковичу и его подпаску Мише Дударю, последний ему по секрету сказал, что вечером 8 ноября он в квартире Янушко пырнул в шею ножом Соколовского. Дударь, 15-летний парень, был другом Бэкмана, и Бэкман решил взять вину на себя, пожалев подростка.

Утром 10 ноября я уже был в д.Изабелин и прямо с поля забрал Дударя. Можно было поручить это сделать работнику милиции, но я почувствовал, что выхожу на истинные обстоятельства дела, и не хотел, чтобы до меня кто-нибудь говорил с несовершеннолетним. В помещении милиции я провел очную ставку Дударя с Бэкманом. Когда Миша услышал показания Бэкмана, он тут же признался и показал, что вечером 8 ноября он находился в клубе, когда к нему подошел 45-летний пастух Левкович и сказал, что нужно идти домой, потому что завтра рано утром нужно гнать коров на пастбище и необходимо выспаться.

Они вышли из клуба и Левкович повел его к дому, где проживала Янушко Павлина. Когда зашли в коридор, то Левкович открыл дверь в комнату. Они увидели, что на кровати спал Соколовский Эдуард, который накануне камнем перебил лапу собаке Левковича и за это Левкович обещал с ним рассчитаться.

Левкович достал перочинный нож, открыл его и сказал: «Иди, пырни его ножом». Он послушался, взял у Левковича нож, подошел к спящему Соколовскому и ударил его в шею, после чего вышел в коридор. Левкович ему сказал, что нужно пырнуть еще раз, но он не согласился. После этого они вдвоем вышли на улицу, подошли к мосту через речку, где Левкович спрятал нож, затем разошлись по домам.

Утром 9 ноября он рассказал Бэкману, что ранил Соколовского.

Сомнений в достоверности показаний несовершеннолетнего Дударя у меня не было.

Следующим логическим шагом в расследовании дела был, естественно, допрос Левковича. Я начал думать, что буду делать, если он назовет эти показания Дударя вымыслом. Чем еще можно уличить Левковича в организации этого тяжкого преступления? Других свидетелей не было. Дударь и Левкович проживают в разных концах

деревни по отношению к клубу, и Левкович станет утверждать, что после выхода из клуба они разошлись в разные стороны. Был ли Дударь в доме Янушко и наносил ли удары ножом Соколовскому, ему не известно. Мог сказать и то, что нож у него взял Дударь за день до событий и не вернул. Таким образом, все доказательства были против самого Дударя, а Левковича вину в таком случае доказывать нечем. Получалось, что я должен буду отказывать в возбуждении уголовного дела против Левковича и отдавать под суд подростка, который был по существу орудием в руках взрослого организатора этого преступления.

Я понимал, что с того времени, как я забрал с пастбища Дударя, Левкович понял, что я вышел на след участников преступления, и стал готовиться к допросу.

После допроса Дударя я решил сразу же доставить на допрос Левковича.

В правлении колхоза мне дали человека, чтобы заменить Левковича на пастбище, и мы с ним поехали в г.Волковыск. Всю дорогу Левкович меня упрекал, что я напрасно к нему пристаю, что никакого отношения к разборкам «байструков» он не имеет.

Уже перед подъездом к городу у меня в голове сложилась тактическая линия проведения очной ставки.

Усадив Левковича в отдельный кабинет, я стал готовить Дударя к очной ставке. Я попросил его повторить на очной ставке свои показания, данные на допросе, но только до того места, когда Левкович в коридоре дома, где проживала Янушко, достал из кармана перочинный нож и открыл его. Когда Дударь понял, что от него требуется, привели Левковича.

Дударю было предложено рассказать все, что ему известно о ранении Соколовского. Как и на допросе, Дударь рассказал, как вечером 8 ноября его вызвал из клуба Левкович и привел к дому, где проживала Янушко. Как тот открыл дверь в комнату Янушко, как они оба увидели спящего на кровати Соколовского. Затем сказал, как Левкович достал нож, открыл его и протянул ему. На этом месте Дударь, как мы и условились, замолчал.

Это была следственная ловушка, рассчитанная на то, что у Левковича не выдержат нервы, и он не сможет на ходу перестроить линию защиты. Его испугало то, что Дударь далее скажет, что нож взять в руки отказался и он, Левкович, подошел к Соколовскому и ударил его ножом.

В кабинете какое-то время установилась тишина. Прошло 15-20 секунд и Левкович не выдержал. «Не, не, следчы! Хай гэты байструк скажа, хто яго пырнуў!» Я в ответ: «Это Вы мне скажете!»

Левкович: «Ен, ен!»

Я: «А почему он?»

Левкович: «Дык я ж бачыў, я ў карыдоры стаяў!»

Я: «А где нож?»

Левкович: «Мы яго пад мастом схавалі».

Мне как раз это и нужно было. Речь шла об орудии преступления, после его обнаружения вся объективная, да и субъективная сторона преступления, вырисовывалась до конца. Быстро записав показания, не давая Левковичу опомниться, я повез его в д. Изабелин к мосту, где он отыскал нож и передал его мне. На ноже невооруженным глазом были видны пятна бурого цвета, похожие на кровь. В результате расследования данного уголовного дела к уголовной ответственности были привлечены оба участника. Левкович был осужден к 9 годам лишения свободы за организацию тяжкого преступления и вовлечение в него несовершеннолетнего, а Дударь, как непосредственный исполнитель — к трем.

Соколовский вылечился, но остался инвалидом на всю жизнь. Левая нога и левая рука остались парализованными.

Это дело — подтверждение тому, что иногда обстоятельства складываются против человека, абсолютно непричастного к преступлению и если подойти формально к делу, то можно обвинить невиновного и суд может вынести незаконный приговор.

За все время работы следователем у меня не было подобных следственных ошибок.

Дважды, в 1960 и 1966 г. в составе делегации Белорусской ССР меня направляли в г. Москву на всесоюзное совещание следственных работников. В 1977 наградили медалью «За трудовое отличие» а в 1988 Президиум Верховного Совета БССР присвоил мне звание «Заслуженный юрист БССР».

В сентябре 1976 г. я был назначен начальником вновь образованного отдела облпрокуратуры по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел области и одновременно заместителем начальника следственного управления. В этой должности я прослужил 12 лет, вплоть до выхода на пенсию. За эти годы в отделе проходили службу 19 прокуроров. Практически все они впоследствии получили повышения по службе. 14 из них продолжают службу в органах прокуратуры области и республики и по настоящее время.

Семинар народных следователей прокуратуры Гродненской области в марте (1954 г. 5-й в верхнем ряду слева направо — Киселев Я.И., третий во втором ряду — Слабуха А. П.

Июнь 1986 г. Сотрудники отдела по надзору за следствием и дознанием прокуратуры области (слева направо): Пугач А.В., Буйко Ю.Г., Лукьянов В.Л., Киселев Я.И. (начальник) Лазута А.А., Козловская Ю.К., Сидо В.А., Юдо А.А